

ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ БУДУЩЕГО КОММЕНТАРИЯ К «ПУТЕШЕСТВИЮ В АРЗРУМ»

АЛЕКСАНДР ДОЛИНИН

«Путешествие в Арзрум» до сих пор не становилось предметом подробного научного комментария. В работе предлагаются разъяснения трех аллюзивных фрагментов текста — иронического описания грузинского виноделия и винопития; рассказа о разговоре с начальником общины езидов, которых обвиняют в дьяволопоклонстве, и ожесточенных нападок Пушкина на понятие «азиатская роскошь». Во всех трех случаях устанавливаются (или уточняются) источники пассажей, указываются и объясняются допущенные Пушкиным ошибки, выявляются объекты скрытой полемики, включая статьи Гоголя из сборника «Арабески».

Ключевые слова: путешествие, комментарий, грузинские обычаи, Езиды, «азиатская роскошь», Гоголь.

Alexander Dolinin. Fragments of a Future Commentary to “A Journey to Arzrum”

Pushkin's travelogue *A Journey to Arzrum* has not yet been fully examined by scholars. This paper offers explanatory glosses for three allusive passages in the text — an ironic description of Georgian drinking habits and wine-making methods; a report on a conversation with a member of the mysterious Yazidi sect, and a vehement attack against the common notion of “Asian luxury.” In all three cases, the article pinpoints hitherto unknown sources and subtexts, identifies and explains Pushkin's mistakes, and discusses the concealed polemic with other authors, including Gogol, in detail.

Keywords: travelogue, commentary, Georgian customs and habits, the Yazidis, Asian luxury, Gogol.

I. ВИНОПИТИЕ И ВИНОДЕЛИЕ В ГРУЗИИ

Грузины пьют не по-нашему и удивительно крепки. Вина их не терпят вывоза и скоро портятся, но на месте они прекрасны. Кахетинское и карабахское стоят некоторых бургонских. Вино держат в маранах, огромных кувшинах, зарытых в землю. Их открывают с торжественными обрядами. Недавно русский драгун, тайно отрыв такой кувшин, упал в него и утонул в кахетинском вине, как несчастный Кларенс в бочке малаги [Пушкин 1937–1959: VIII, 458].

В полезной, но несколько наивной статье о «Путешествии в Арзрум» М. О. Гершензон утверждал, — вопреки очевидности, — что Пушкин написал книгу не в 1835 г., а гораздо раньше, сразу после поездки. «За это говорит прежде всего общий характер повествования — подробность и точность рассказа, свежесть красок, которыми переданы испытанные впечатления, — писал он. — Спустя пять или шесть лет после путешествия, Пушкин не мог бы так описать его». В подтверждение своего предположения Гершензон привел несколько примеров и в том числе рассказ «о «маранах», огромных кувшинах, зарытых в землю, в которых грузины хранят вино». Прочитывая фразу о русском драгуне, который упал в такой кувшин, он приходит к выводу, что она могла быть написана «лишь во время или тотчас после путешествия, но не спустя годы», потому что в противном случае Пушкин не употребил бы наречие «недавно» [Гершензон 1926: 53–54].

Гершензон выбрал крайне неудачный пример, так как в данном пассаже Пушкин допустил ошибку, которую он вряд ли бы сделал, если бы писал «во время или тотчас после путешествия». Шесть лет спустя его подвела память, и он неверно употребил грузинское слово «маран(и)», означающее вовсе не большой глиняный кувшин для вина, — эти сосуды называются «квеври», — а подвал или специальное строение, где кувшины с вином хранятся закопанными в землю.¹

Анекдот о драгуне, утонувшем в огромном кувшине, Пушкин, должно быть, слышал в Грузии. Подобные происшествия хотя и редко, но случались, что отразилось в фольклоре и в некоторых более поздних публикациях. Так, в грузинской сказке «Старик-нищий и три брата», записанной в конце XIX в., Иисус Христос в обличье старого нищего наказывает трех братьев за жадность и неблагодарность: один за другим они спускаются в погреб за вином, где, поскользнувшись, падают в кувшин и тонут [Ломинадзе 1892: 24–27].

¹ См.: «В Кахетии ... вино готовится и теперь тем же способом, которым приготавливалось несколько веков назад. Когда виноград созреет, его снимают с лоз и свозят в марани (прим.: Это винное хранилище, по большей части каменное, с покатой крышей), где рабочие ногами выдавливают из него в давящих сок, стекающий по деревянным желобам в глиняные, зарытые в землю кувшины (квеври)» [Андреев 1895: 211]. Характерно, что ни один из многочисленных грузинских литературоведов, писавших о Пушкине на Кавказе, не осмелился прямо указать на очевидную ошибку. Элегантно поправил Пушкина И. К. Ениколопов, сообщивший: «... в селении Ниноминда (близ Сагареджо) местные крестьяне передавали слышанный от их предков рассказ о том, как в первой трети девятнадцатого столетия один из русских солдат, желая выпить вина из кувшина (квеври), утонул в нем. Об этом случае упоминает и Пушкин, очевидно, о нем знавший, проезжавший через эти места» [Ениколопов 1975: 69]. Понятно, что никакие крестьяне не могли бы сохранять память о маловажном, отнюдь не уникальном событии на протяжении более ста тридцати лет.

А. Л. Зисерман (1824–1897), приехавший на Кавказ восемнадцатилетним юношей, вспоминает, как его поразили огромные кувшины с вином:

Величина некоторых кувшинов, большою частью выделяемых в Имеретии, почти баснословна: они вмещают до двух тысяч больших бутылок. Мне рассказывали по этому поводу будто бы достоверное происшествие: однажды в селе Кварели солдат линейного батальона забрался ночью в маран, открыл кувшин, лег на землю и начал пить вино, но, по-видимому, отуманенный газами, осунулся и *утонул в кувшине*, где на другое утро нашли его по плававшей на поверхности фуражке!.. [Зисерман 1879: 42; курсив автора]

В обзоре П. Дзюбенко «Виноделие на Кавказе» упоминался как анекдот из «Путешествия в Арзрум», так и еще один, недавний случай:

Давят вино ... в деревянных или каменных давяльнях, откуда по брожении ... молодое вино вливают в кувшины (квеври), над которыми в Кахетии обязательно устраиваются здания для защиты от солнечных лучей. Кувшины эти отличаются громадностью: про один из них писал еще Пушкин, что в нем нашли утонувшего драгуна; а в ноябре 1884 года, в Карталинии, в имении князя Евстафия Багратион-Мухранского в подобном кувшине утонул один крестьянин, которому при откупорке ударили в голову газы, и он свалился в вино, где и отдал Богу душу [Дзюбенко 1886: 35].

О том, что грузины много пьют, писал французский консул в Тифлисе Жак-Франсуа Гамба (Jacques François Gamba, 1763–1833), чей травелог Ю. Н. Тынянов считал одним из источников «Путешествия в Арзрум» [см.: Тынянов 1936: 70–71]: «Потребление вина в Грузии, и особенно в Тбилиси, велико и можно даже сказать громадно. Каждый грузин, от мастерового до князя, обычно выпивает в день один тонк вина (пять с половиной бутылок бордо)» [Gamba 1826: 218]. Однако Пушкин, скорее всего, знал наблюдения Гамба не по первоисточнику, а по их изложению в книге американских миссионеров И. Смита и Х. Дж. О. Дуайта, которая послужила ему главным подспорьем в работе над «Путешествием».² Вслед за Гамба миссионеры писали:

That the people of Georgia are among the hardest drinkers in the world, is well known. ... The ordinary day's ration for an inhabitant of Tiflis, from the mechanic to the prince, is said to be a tonk, measuring between five and six bottles of Bordeaux! and the quantity drunk at their revels is perfectly incredible [Smith, Dwight 1834: 132; пер.: «То, что грузины принадлежат к числу самых больших пьяниц в мире,

² На книгу Смита и Дуайта, как на важный источник «Путешествия в Арзрум», впервые было указано Н. Е. Мясоедовой [Мясоедова 2004: 171–174]. Дополнительные параллели см. [Долинин 2010: 123]. Книга была в библиотеке Пушкина [Модзалевский 1910: 339, №1394].

хорошо известно. ... Сообщается, что обычная ежедневная норма для жителя Тифлиса, от мастерового до князя, составляет один тонк, то есть между пятью и шестью бутылок бордо! А количество выпитого вина на их праздниках совершенно невероятно»].

Как кажется, несколько странное утверждение Пушкина, что грузины в пьянстве «удивительно крепки» (вероятно, имеется в виду, что грузины долго не пьянеют?), идет от расщепления английского фразеологизма “hard drinker” (сильно пьющий человек, большой / запойный пьяница) на составные части: hard — крепкий; drink — пить.

Еще одну ошибку Пушкин сделал в аллюзии на известную легенду об убийстве герцога Кларенса (1449–1478), брата английских королей Эдуарда IV и Ричарда III. По преданию, он был утоплен в бочке не с малагой, а с мальвазией (англ. malmsey), более дорогим сладким вином. Ошибка эта тем более удивительна, что в культуре пушкинского времени именно мальвазия ассоциировалась с легендарным прошлым и часто упоминалась в исторических трудах и романах как царское/королевское вино. У самого Пушкина в «Арапе Петра Великого» царь на ассамблее заставляет провинившегося Корсакова выпить кубок большого орла, наполненный мальвазией [Пушкин 1937–1959: VIII, 17]. Что же касается малаги, то этот, по Языкову, «напиток смиренный и беспенный» [Языков 1964: 358] входил в обычную *carte des vins* эпохи и пользовался успехом у людей немолодых и степенных.

Ошибка Пушкина, возможно, объясняется недостаточно внимательным чтением по-английски «Ричарда III» Шекспира и/или «Дон Жуана» Байрона — двух самых известных текстов, в которых упомянута провербиальная бочка с мальвазией. У Шекспира один из убийц, посланных Ричардом, закальвает Кларенса со словами: “If all this will not do, / I’ll drown you in the malmsey butt within” (I, IV, 272–273 [Если этого не хватит, я утоплю вас в бочке с мальвазией]). Байрон обыгрывает легенду в скабрёзной сцене первой песни, когда герой едва не задыхается, прячась от ревнивого мужа в постели между ног своей любовницы, и автор комментирует: “’T were better, sure, to die so, than to be shut / With maudlin Clarence in his Malmsey butt” (строфа CLXVI [Конечно, было бы приятнее умереть таким манером, нежели вместе с плаксивым Кларенсом быть запертым в его бочке с мальвазией]). Если Пушкин в 1830-е годы пытался читать первый акт «Ричарда» или первую песнь «Дон Жуана» в оригинале, без словаря и французского перевода, то слово “malmsey”, мало похожее на французское “malvoisie”, могло ввести его в заблуждение, и из двух известных ему названий вин, начинающихся на *mal-*, он выбрал более короткое и более употребительное.

II. ЕЗИДЫ

В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывающих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина, в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но современем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее [Пушкин 1937–1959: VIII, 468].

Считается, что Пушкин первым в России упомянул в печати загадочную курдскую секту езидов, хотя в Западной Европе ими заинтересовались еще в конце XVII в. Наиболее подробные описания их быта, нравов и верований оставили католические миссионеры — сначала французский монах из миссии в Алеппо, писавший под псевдонимом Мишель Февр (Michel Fevre) [Fevre 1682: 363–373],³ а затем итальянский францисканец из миссии в иракском Курдистане Маурицио Гарзони (Maurizio Garzoni, 1730–1790) [Garzoni 1807; англ. пер. Garzoni 1813]. У Пушкина в библиотеке имелась анонимно опубликованная книга французского востоковеда Жана-Батиста Руссо (Jean-Baptiste Rousseau, 1780–1831) “Description du Pachalik de Bagdad” («Описание багдадского пашалыка»), в которой был напечатан французский перевод «Заметки о Езидах» Гарзони [Rousseau 1809: 191–

³ Монашеское имя и годы жизни автора точно не установлены. В большинстве справочных изданий и научных работ его идентифицируют как Юстиньена из Неви (Justinien de Neuvy); реже — как Жана-Батиста из Сан-Эньяна (Jean-Baptiste de Saint-Aignan).

210; Модзалевский 1910: 222, № 869].⁴ Известно, что Пушкин заказал и получил писарскую копию этого документа, хранившуюся у него в папке с заглавием «Приложения к Путешествию в Арзрум, 1835».⁵ По всей вероятности, он намеревался напечатать «Заметку о Езидах» как приложение в будущем отдельном издании «Путешествия», которое при его жизни не было осуществлено.

Если бы Пушкину удалось реализовать свой замысел, то между «Заметкой о Езидах» в приложении и пассажем о езидах в основном тексте возникли бы отношения, которые мы иногда называем межжанровым диалогом, ибо приведенные в основном тексте слова предводителя езидов, сообщившего рассказчику, что дьяволу они не поклоняются, противоречили бы тому, что на эту же тему писал Гарзони:

Les Yézides ont pour premier principe de s'assurer l'amitié du Diable, et de mettre l'épée a la main pour sa défense. Aussi s'abstiennent-ils non-seulement de le nommer, mais même de se servir de quelque expression dont la consonance approche de celle de son nom. <...> Ils se servant tout au plus pour le designer de cette périphrase, *scheikh mazen*, le grand chef. Ils admettent tous les prophètes et tout les saints révéérés par les Chrétiens, et dont les monastères situés dans leur environs portent les noms. Ils croient que tous ces saints personnages, lorsqu'ils vivoient sur le terre, ont été distingués des autres hommes plus ou moins, selon que le diable a reside plus ou moins en eux : c'est surtout, suivant eux, dans Moise, Jésus-Christ et Mahomet qu'il s'est le plus manifesté. En un mot, ils pensent que c'est Dieu qui ordonne, mais qu'il confie au pouvoir du Diable l'exécution de ses orders" [Rousseau 1809: 192, 194–195; Рукою Пушкина 1935: 866, 867]. Пер.: «Первое правило езидов — заручиться дружбой дьявола и с мечом в руках встать на его защиту. Потому они поддерживаются не только от того, чтобы произносить его имя, но даже и от того, чтобы употреблять какое-либо выражение, близкое по созвучию к его имени. <...> В крайнем случае они называют его иносказательно: *шейх мазен*, великий начальник. Они признают всех пророков и всех святых, которых чтут христиане и имена которых носят монастыри, расположенные по соседству. Они верят, что все эти святые, во время своей земной жизни, были отличены от других людей в той мере, насколько в них пребывал дьявол. Особенно сильно, по их мнению, он проявился в Моисее, [Иисусе Христе] и Магомете. Словом, они думают, что повелевает Бог, но что выполнение своих повелений он поручает власти дьявола» [Там же: 872, 873].

⁴ Авторство Руссо было раскрыто в именном указателе Л. А. Катанской к полному собранию сочинений Пушкина [Пушкин 1937–1959: XVII, 385].

⁵ См. первую публикацию заметки Гарзони по писарской копии с русским переводом и послесловием М. А. Модзалевского: [Рукою Пушкина 1935: 866–878]. То же: [Пушкин 1937–1959: VIII, 484–489, 1070–1074].

Противопоставленное письменному сообщению внешнего наблюдателя объяснение, полученное Пушкиным «из первых уст», и опровергающее распространенную легенду о езидах как дьяволопоклонниках, должно было обрести дополнительную убедительность.

По сути дела, Пушкин хотел повторить прием, использованный в книге Руссо, где «Заметке о Езидах», которая помещена в приложении, противопоставлен авторский текст, ее опровергающий:

La religion des Yézides est une espèce de manichéisme. Ils adorent un seul Dieu sous différens emblems, specialement sous celui du soleil, et ont pour maxime de ne pas maudire le demon, parce que, dissent-ils, il est la créature du Souverain Être, et peut un jour rentrer en grace avec lui [Rousseau 1809: 97; пер.: «Религия Езидов — это разновидность манихейства. Они поклоняются единому Богу под разными символами, особенно символом солнца, и считают за правило не поносить сатану, потому что он, говорят они, есть создание Верховного Творца и может однажды быть им помилован»].

У Руссо, конечно же, были свои источники и, прежде всего, упомянутая выше книга Мишеля Февра, который, в отличие от Гарзони, не относил езидов к дьяволопоклонникам. Как писал Февр, езиды, действительно, отказываются поносить дьявола, хотя признают при этом, что он восстал против Бога, своего создателя и господина. Но нападать на него, убеждены они, было бы также неправильно, как ругать первого министра, который попал в немилость к государю. «Кто знает, — добавляют они, — не попросит ли когда-нибудь дьявол пощады и не помирится ли он с Богом» [Febvre 1682: 367]. Похожие объяснения слышал от иракских суннитов, знакомых с езидами, известный немецкий путешественник Карстен Нибур (Carsten Niebuhr, 1733–1815) по дороге из Багдада в Мосул. Меня уверили, пишет он, что езиды «поклоняются единому Богу как творцу и благодетелю всех людей. Однако они отказываются говорить о Сатане и даже упоминать его имя. Они утверждают, что людям не прилично вмешиваться в спор между Богом и падшим Ангелом, как если бы крестьяне начали презирать и хулить вельможу, попавшего в немилость к Паше, ... и что дьявол, возможно, будет прощен» [Niebuhr 1780: 280].⁶

Очевидное сходство между словами пушкинского информанта и формулировками Руссо позволяет предположить, что, изучив «Описание багдадского пашалыка» в процессе работы над «Путешествием в Арзрум», Пушкин вложил в уста начальника езидов связное объяснение, парафразирующее соответствующее место в книге. Через шесть лет после путешествия он

⁶ Сводку сведений о езидах, накопленных к началу XIX в., см.: [Gregoire 1829: 250–265].

едва ли хорошо помнил, что именно говорил ему езид, и использовал источник, дабы их диалог выглядел правдоподобно.

С другой стороны, вполне вероятно, что начальник езидов в разговоре с Пушкиным действительно пытался как-то опровергнуть распространенные представления об их религии как дьяволопоклонстве. Косвенным свидетельством этому могут служить путевые записки барона Августа фон Гаксгаузена (August von Haxthausen, 1792–1866), совершившего поездку по Закавказью в 1843 г. и разговаривавшего там, как и Пушкин, с езидами, которые жили на территории русской Армении и признавали власть русского царя. До этой встречи Гаксгаузен, по его словам, ничего о религиозных воззрениях езидов не читал и «имел только темные воспоминания о том, что слышал когда-то о поклонниках дьявола в Мало-Азиатских и Персидских горах». К езидам его привели местные армяне, с ними давно знакомые и дружившие, из-за чего, как он замечает, «они весьма охотно сообщали мне многие подробности, в то время как другие путешественники постоянно жалуются на их неразговорчивость и необщительность». О своей вере езиды рассказали ему примерно то же, что начальник езидов Пушкину:

Хотя и называют Езидов исключительно дьяволопоклонниками... но они откровенно объяснили мне, что существует только один Бог, которому поклоняются и Армяне... Они веруют, что шейтан был первосозданный, главнейший из всех архангелов; что по повелению Божию он сотворил мир, что ему принадлежала власть над миром, что он потом впал в грехи и почитал Бога за равного себе. Тогда Бог отвернул его от Себя и изгнал от лица Своего. Но некогда Бог снова умиловитися над ним и восстановит его совершенно в его царстве... [Гаксгаузен 1857: 221–223]⁷

Через четырнадцать лет после арзрумского похода немецкий путешественник встречается в тех же местах с езидами из тех же семейств, о которых говорилось в «Путешествии в Арзрум», и слышит те же объяснения основных принципов их вероучения, что и Пушкин. Это означает, что у езидов закавказского ареала существовала устойчивая версия ответа на недоуменные расспросы иноверцев об их отношении к дьяволу, — неважно, соответствующая истине или нет — и Пушкину, как впоследствии фон Гаксгаузену, удалось ее услышать от автохтонов.

⁷ Немецкий оригинал: [Haxthausen 1856: 226–230]. Еще до выхода первого немецкого издания книга, написанная в 1849 г., вышла в английском переводе по рукописи: [Haxthausen 1854].

III. АЗИАТСКАЯ РОСКОШЬ

Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари оставя голые стены и дубовые стулья своих замков увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры, и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство, и проч., но роскошь есть конечно принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии [Пушкин 1937–1959: VIII, 477].

В критическом отношении к расхожим представлениям об азиатской (или, шире, восточной) роскоши Пушкин был не одинок. По предположению Тынянова, комментируемый пассаж восходит к подобному рассуждению Бестужева-Марлинского в рассказе «Военный антикварий», где автор обращается к женщинам, чьи мужья и родственники участвовали в арзрумском походе:

Мужья, братцы, племянники ваши, проклиная во время походов несносную погоду и природу Азии, сгоревшие поля от зною, нагие горы, непроездивые дороги, логовища, называемые деревнями, и кучи камней за зубчатými стенами, величаемые городами, и в них смрадные улицы, комнаты без полов и окон, рядом с конюшнею, ковры, шевелящиеся от насекомых, подушки, набитые кислую шерстью, восточную гущу их кофе, и кругом дым кизяков, крик осят и раздражающее уши пение азиятцев — теперь будут разливаться перед Вами в пышных рассказах об Азиатской роскоши, которой не видали мы ни блески, о прелестях одалисок, увезенных прежде нас далее, о зеленеющих горах, о темноглубом небе и всей пышности отчизны Гуль-гуль и Буль-буль, т. е. Розы и соловья [Марлинский 1832: 6 (курсив автора); Тынянов 1936: 71].

Другой участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Ф. П. Фонтон примерно в то же время писал П. И. Кравцову с европейского театра военных действий:

С тех пор как я нахожусь в Турции, я касательно так в Европе прославленной Азиатской роскоши совершенно был разочарован. Она только существует в воображении восточных поэтов. На деле в Турецком доме нигде ни порядочно присесть, ни спокойно прилечь нельзя; со всех сторон ветер дует, дождь через плохую крышу в комнату льется, везде грязь, неопрятность и нечистота; полинялые ковры, скучный и скудный фонтан, и углеродным газом дышущий мангал,

то есть сосуд с угольями. Вот тебе что мне представляла Азиатская роскошь [Фон-тон 1862: 156].

Годом ранее, вскоре после завершения русско-персидской войны, генерал М. С. Жуковский писал жене из захваченного Гебриза:

Ты пишешь, мой друг, что мы пользуемся здесь азиатскою роскошью. Эта роскошь в повестях только привлекательна, а здесь, в натуре, весьма незавидна. Когда повести писаны, тогда европейской утонченной роскоши еще не было. Теперь азиатская роскошь — скотская, непривлекательная для европейца с понятиями высшими (цит. по [Эйдельман 1990: 135]).

Как Пушкин, так и участники русских войн с восточными деспотиями резко противопоставляли воочию увиденное воображаемому, прочитанному, приукрашенному. При этом Пушкин полемизировал не только с чужими представлениями, но и с байроническим ориентализмом своих собственных южных поэм, и прежде всего «Бахчисарайского фонтана», в котором, по слову одного из первых читателей поэмы, поэзия «дышит какою-то восточною роскошью и негою» [Путята 1952: 41]. В хвалебной рецензии на поэму М. М. Карниолин-Пинский писал в 1824 г.: «... стихи поэмы проникнуты духом восточных обычаев и цветут азиатскою роскошью, подчиненною законам образованного вкуса» (цит. по [ППК-1: 209]). По точному наблюдению О. А. Проскурина, сам Пушкин, рассуждая о восточной экзотике у Томаса Мура и Байрона в письме Вяземскому от конца марта-начала апреля 1825 г., оттакаивался от формулы Карниолина-Пинского: «К стати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он черес чур уже восточен, — писал он. — Он подражает ребячески и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европейец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидоской Невесте и проч.» [Пушкин 1937–1959: XIII: 160; Проскурин 2006: 289]. Очевидно, что Пушкин тогда не отрицал существование «восточной / азиатской роскоши», а лишь требовал подчинить ее изображение «законам образованного вкуса» по образцу Байрона.

В прозаическом описании Арзрума образы «азиатской роскоши» из «Бахчисарайского фонтана» резко снижены. Ханскому дворцу с шелковыми коврами, и «златом на стенах» соответствует дворец сераскира, который «казался разграбленным. <... > Диваны были ободраны, ковры сняты»; прекрасным мраморным фонтанам в «очаровательных садах» — «два тощие фонтана»; прелестницам гарема и их «волшебным красам» — выглядывающие из окошка жены арзрумского паши, среди которых «не было ни одной красавицы» [Пушкин 1937–1959: VIII, 479, 480, 481]. Только одна

деталь поэмы — «Сии надгробные столбы, / Венчанны мраморной чалмою» (она, как отметил О. А. Проскурин, заимствована из «Гяура» Байрона» [Проскурин 2006: 345])⁸ — переходит в «Путешествие в Арзрум» почти без изменений (ср. «За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, украшенных каменною чалмою»), но и она сопровождается оговоркой: «... в них нет ничего изящного: никакого вкуса, никакой мысли...» [Пушкин 1937–1959: VIII, 478].

Еще одним адресатом пушкинской полемики, вероятно, была статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени», вошедшая в сборник «Арабески» (1835), где она соседствовала с «Несколькими словами о Пушкине». В ней Гоголь понаслышке восхищается восточной архитектурой, которую он именует «царством азиатской роскоши». Везде, «куда ни проникала только азиатская роскошь, огромная, великолепная, — пишет он, — та роскошь, которая блещет в их волшебных сказках, везде, куда ни проникала эта увешанная ожерельями дочь восточного воображения, — там стоят доньне дворцы, великолепие которых изумительно. <...> Так величественный магметанин, в широком, убранном золотом и камнями платье, возлежит среди гурий, стройных, обнаженных, ослепительных своею белизною» [Гоголь 1937–1952: 67–68].

В конце января 1835 г. — то есть примерно за месяц до начала работы над «Путешествием в Арзрум» — Пушкин получил от Гоголя два экземпляра «Арабесок» и письмо с просьбой сделать для него замечания на одном из них.⁹ Судя по всему, эту просьбу Пушкин не исполнил, но его негодование по поводу самого понятия «азиатская роскошь» можно считать ответом косвенным. Кроме «азиатской роскоши», в «Путешествии в Арзрум» он, как представляется, возражал еще и против основных положений гоголевского панегирика «Несколько слов о Пушкине». Для Гоголя Пушкин прежде всего это «певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами; он проникнут и напитан его чудными окрестностями, южным небом, долинами прекрасной Грузии...». При этом, согласно Гоголю, в своем взгляде на «сторонний мир» Пушкин — «явление русского духа» *par*

⁸ Ср. описание мусульманского надгробного памятника в «Гяуре»: “A turban carved in coarsest stone, / A pillar with rank weeds o’ergrown.” В авторском примечании к слову “turban” (чалма) говорится: “The turban, pillar, and inscriptive verse, decorate the tombs of the Osmanlies, whether in the cemetery or the wilderness” [Byron 1826: 63, 730].

⁹ «Посылаю вам два экземпляра Арабесок... Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо» [Гоголь 1937–1952: X, 347–348].

excellence — всегда национален, ибо «глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами» [Гоголь 1937–1952: VIII, 51].

В «Путешествии в Арзрум», словно бы опровергая Гоголя, Пушкин постоянно дает понять, что реальный Кавказ (и, шире, Восток) вовсе не является предметом его любви и изображает нравы, культуру и быт горцев с отчужденным и брезгливым любопытством, без всякого романтического флера. По точному замечанию В. А. Кошелева, он «описывает «азиатское свинство» глазами путешествующего европейца — и на европейцев постоянно ссылается» [Кошелев 1994: 14]. Как было многократно указано, жанровой и стилистической моделью ему послужили главным образом западно-европейские травелоги, прежде всего «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана; он цитирует стихи по-латыни и по-английски, а во время путешествия всячески демонстрирует свою европейскость: вместе с каким-то французом вспоминает «пирования Илиады», в Тифлисе радуется домам новой европейской архитектуры, которые Гоголь нашел бы уродливыми, при посещении гарема осознает себя одним из редких европейцев, кому удалось проникнуть в святая святых Востока, при виде больных чумой ощущает «европейскую робость» и т. п.¹⁰ Высоко образованный русский дворянин для него — это явление не столько «русского духа», сколько духа общеевропейского, противостоящего «азиатскому свинству».

* * *

Как заметил академик В. В. Бартольд, предположение Пушкина о возникновении выражения «азиатская роскошь» во время крестовых походов ошибочно: оно «гораздо древнее крестовых походов, — пишет ученый, — и встречается уже в латинской литературе (*Asiatica luxuria*); я встретил его в книге Августина (V в. н. э.) “*De civitate Dei*” (III, 21); по всей вероятности, оно встречается и в более ранних памятниках». Однако, добавляет Бартольд, «не обладая большими историческими познаниями, Пушкин своим гениальным чутьем понял, что в средние века Западная Европа была такой

¹⁰ См., например: [Бицилли 1937; Комарович 1937; Долинин 2010: 120–123].

же отсталой страной по сравнению с мусульманским миром, как в его время мусульманский мир по сравнению с Западной Европой» [Бартольд 1966].¹¹

На самом деле о том, что крестоносцы, попавшие на Восток из бедных европейских стран, были поражены «азиатской роскошью» и начали ее перенимать, много писали и до Пушкина. Достаточно широкое хождение, например, получила следующая апофегма аббата Рейналя:

Les Croisades épuisèrent en Asia toute les fureurs de zèle et d'ambition, de guerre et de fanatisme qui circulaient dans les veins des Européens ; mais elles rapportèrent en Europe le gout du luxe Asiatique [Raynal 1783: 146; пер.: «Крестовые походы в Азии остудили всю ярость рвения и честолюбия, воинственности и фанатизма, которая пылала в жилах европейцев; но они принесли в Европу вкус к азиатской роскоши»].

Немецкий историк Арнольд Герман Геерен, хорошо известный в России, в своем труде «Опыт исследования последствий крестовых походов для Европы» («Versuch einer Entwicklung der Folgen der Kreuzzüge für Europa», 1808) показал, что благодаря крестовым походам в Европе появилось много новых вещей, которые «обогатили наши мастерские, наши конторы, нашу кухню и наши аптеки». Еще важнее, по его мнению, было то, что предметы восточной роскоши, прежде доступные только монархам и узкому кругу высшей знати, получили распространение во всех слоях общества, вследствие чего «способы одеваться, обставлять жилища и питаться существенно изменились».¹² На уроках истории в лицее Пушкин мог слышать то, что его учитель И. К. Кайданов вскоре напишет о крестовых походах в своем учебнике:

¹¹ Блаженный Августин использовал выражение «азиатская роскошь», говоря о порче нравов в древнем Риме при проконсуле Гнее Манлие Вульсоне (II в. до н. э.): “Deinde tunc primum per Gneum Manlium proconsulem de Gallograecis triumphantem Asiatica luxuria Romam omni hoste peior inrepsit. Tunc enim primum lecti aerati et pretiosa stragula visa perhibentur; tunc inductae in conivia psaltriae et alia licentiosa nequita” (в русском переводе XIX в.: «После этого впервые занесена в Рим Гнеем Манлием, победителем галатов, азиатская роскошь, худшая всякого врага. Тогда впервые появились медные ложи и драгоценные покрывала; тогда введены певички на пирах и другие беспутные вольности» [Августин 1880: 161]). Источником Августина, как указывают все комментаторы, послужило следующее место у Тита Ливия: «Именно это азиатское воинство впервые познакомило Рим с чужеземной роскошью, повнезав с собой пиршественные ложа с бронзовыми накладками, дорогие накидки и покрывала, ковры и салфетки, столовое серебро чеканной работы, столики из драгоценных пород дерева. Именно тогда повелось приглашать на обеды танцовщиц и кифаристок, шутов и пантомимов, да и сами обеды стали готовить с большими затратами и стараниями. Именно тогда стали платить огромные деньги за поваров, которые до этого считались самыми бесполезными и дешевыми рабами, и поварский труд из обычной услуги возвели в ранг настоящего искусства. Но это было только начало, лишь зародыш будущей порчи нравов» [Тит Ливий 1994: 323].

¹² Я цитирую французский перевод «Опыта»: [Heeren 1808: 399–400].

В сие время свет просвещения сиял в Восточной Империи и Азии. Посему невозможно было, чтоб Крестовые войны, проходя сии страны, не приобрели некоторых познаний. — Возвратясь в Европу, они начали, по мере круга действия своего, распространять новые мнения, мысли, истины, обычаи и выгоды, или удобства общественной жизни. Посему, по окончании Крестовых походов, явилось при Европейских Дворах более против прежнего блеска и великолепия, более пышности в увеселениях, более приятности в обхождении и вообще в гражданском общежитии [Кайданов 1821: 152].

Отлично знал он и конкретный пример подобных заимствований, приведенный И. М. Муравьевым-Апостолом в описании Бахчисарайского дворца, которое в сокращении печаталось как приложение к «Бахчисарайскому фонтану». Для защиты от солнечных лучей в одном из залов дворца, — писал Муравьев-Апостол, — «кроме ставней служат еще и цветные, узорчатые стекла в окнах, любимое рыцарских замков украшение, без сомнения занятое Европейцами от восточных народов, во время крестовых походов» [Муравьев-Апостол 1823: 113; Пушкин 2006: 227].

Крестonosцы, которые привозят в Европу всевозможные предметы «азиатской роскоши», нередко фигурируют в исторических романах пушкинской эпохи. Так, во второй главе «Айвенго» появляется живописная кавалькада рыцаря-тамплиера Бриана де Буагильбера, вернувшегося в Англию из Палестины, — оруженосцы, чья одежда «блистала роскошью»; шелковые наряды слуг-сарацинов, расшитые узорами; сабли и кинжалы тонкой работы с дорогой дамасской насечкой; легкие арабские скакуны. В примечании к этому месту Вальтер Скотт указывает, что рыцари-тамплиеры, «как всем известно, точно копировали роскошества азиатских воинов, с которыми сражались» [Scott 1996: 505].

Таким образом, «гениальное чутье» в данном случае Пушкину не понадобилось. Он лишь как всегда сжато, но элегантно изложил общие места современной ему исторической науки и ее популярных романических обработок.

Литература

Августин 1880: Творения Блаженного Августина, епископа Иллонийского. Ч. III: О Граде Божьем. Кн. 1–7. Киев, 1880.

Андреев 1895: Андреев А. П. От Владикавказа до Тифлиса. Военно-Грузинская дорога. Справочный указатель. 2-е изд. Тифлис, 1895.

Бартольд 1966: Бартольд В. В. «Азиатская роскошь» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. IV: Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 404–405.

Бицилли 1937: *Бицилли П.* «Путешествие в Арзрум» // Белградский пушкинский сборник / Под ред. Е. В. Анненкова. Белград, 1937. С. 247–264.

Гаксгаузен 1857: *Гаксгаузен А. фон*, барон. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечатления и воспоминания. СПб., 1857. Ч. 1.

Гершензон 1926: *Гершензон М. О.* «Путешествие в Арзрум» (1829–1830) // Гершензон М. О. Статьи о Пушкине. М., 1926. С. 50–59.

Гоголь 1937–1952: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. I–XIV. М.; Л., 1937–1952.

Дзюбенко 1886: *Дзюбенко П.* Виноделие на Кавказе (Экономический очерк) // Русская мысль. 1886. Кн. VI. С. 19–48 (2-й пагинации).

Долинин 2010: *Долинин А. А.* Пушкин и Виктор Фонтанье // Европа в России. Сборник статей. М., 2010. С. 105–124.

Ениколопов 1975: *Ениколопов И. К.* Пушкин в Грузии и под Эрзерумом. Тбилиси, 1975.

Зисерман 1879: *Зисерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. I: 1842–1851. СПб., 1879.

Кайданов 1821: *Кайданов И. К.* Руководство к познанию всеобщей политической истории. Ч. II. История Средних Веков. СПб., 1821.

Комарович 1937: *Комарович В. А.* К вопросу о жанре «Путешествия в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 326–338.

Кошелев 1994: *Кошелев В. А.* Историческая оппозиция «Запад-Восток» в творческом сознании Пушкина // Русская литература. 1994. № 4. С. 3–15.

Ломинадзе 1892: *Ломинадзе Ш.* Рачинские сказки // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XIII. Тифлис, 1892. Отд. II. С. 24–31.

Марлинский 1832: *Марлинский А.* Военный антикварий. (Из Арзерума, 1829 года, в Октябре) // Альциона на 1832 год. СПб., 1832.

Модзалевский 1910: *Модзалевский Б. А.* Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. С. 1–370.

Муравьев-Апостол 1823: *Муравьев-Апостол И. М.* Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб., 1823.

Мясоедова 2004: *Мясоедова Н. Е.* «Подвиг честного человека». СПб., 2004.

ППК-1: Пушкин в прижизненной критике / Под общей ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб., 1996. Т. 1: 1820–1827.

Проскурин 2006: *Проскурин О. А.* Комментарий к «Бахчисарайскому фонтану» // Пушкин. Сочинения. Комментированное издание под общей редакцией Дэвида М. Бетеа. Выпуск 1: Поэмы и повести. Часть I. М., 2006.

Путята 1952: Пушкин в неизданной переписке современников // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь.

Пушкин 1937–1959: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Пушкин 2006: *Пушкин.* Сочинения. Комментированное издание под общей редакцией Дэвида М. Бетеа. Выпуск 1: Поэмы и повести. Часть I. М., 2006.

Рукою Пушкина 1935: *Рукою Пушкина.* Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зенгер. М.; Л., 1935.

Тит Ливий 1994: *Тит Ливий.* История Рима от основания города. М., 1994. Т. III.

Тынянов 1936: *Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936. Вып. 2. С. 57–73.

Фонтон 1862: *Фонтон Ф. П.* Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах. Лейпциг, 1862. Т. II.

Эйдельман 1990: *Эйдельман Н. Я.* Быть может за хребтом Кавказа (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX века. Кавказский контекст). М., 1990.

Языков 1964: *Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья, подгот. текста и прим. К. К. Бухмейер. М.; Л., 1964.

Byron 1826: *The Works of Lord Byron.* Complete in one volume. Francfort, 1826.

Febvre 1682: *Theatre de la Turquie, où sont représentées les choses les plus remarquables qui s'y passent aujourd'huy touchant les Moeurs, le Gouvernement, les Coûtumes et la Religion des Turcs, et de treize autres sortes de Nations qui habitent dans l'Empire Ottoman.* Traduit d'Italien en François par son Auteur le sieur Michel Febvre. Paris, 1682.

Gamba 1826: *Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824 ; par le chevalier Gamba, consul du Roi à Tiflis.* Paris, 1826. Т. II.

Garzoni 1807: *Garzoni M.* Della Setta delli Jazidi // Abate Domenico Sestrini. Viaggi e opuscoli diversi. Berlino, 1807. P. 203–212.

Garzoni 1813: *Account of the Extraordinary Sect called Yezidis; from the Italian of Father Garzoni, who resided eighteen years in Kurdistan as a Missionary* // *The Classical Journal.* 1813. Vol. VII. No. XIII (March). P. 143–146.

Gregoire 1829: *Gregoire H.* Histoire des sects religieuses... Nouvelle édition, corrigée et considérablement augmentée. Tom IV. Paris, 1829.

Haxthausen 1854: *Baron von Haxthausen.* Transcaucasia. Sketches of the Nations and Races between the Black Sea and the Caspian. L., 1854.

Haxthausen 1856: *Haxthausen A. F. von.* Andeutungen über das Familien- und Gemeindeleben und die socialen Verhältnisse einiger Völker zwischen dem Schwarzen und Kaspischen Meere. Reiseerinnerungen und gesammelte Notizen. Erste Theil. Leipzig, 1856.

Heeren 1808: *Heeren A. H. L.* Essai sur l'influence des Croisades. Paris, 1808.

Niebuhr 1780: *Niebuhr C.* Voyage en Arabie et en d'autres Pays circonvoisins. Traduit d'Allemand. Amsterdam, 1780. Т. II.

Raynal 1783: *Raynal G.-Th, abbé. L'Histoire philosophique et politique des Établissements et du Commerce des Européens dans les deux Indes*. Genève, 1783. Т. X.

Scott 1996: *Scott W. Ivanhoe*. Oxford; N. Y., 1996 (Oxford World's Classics).

Smith, Dwight 1834: *Missionary Researches in Armenia: including a Journey through Asia Minor, and into Georgia and Persia, with a visit to the Nestorian and Chaldean Christians of Oormiah and Salmas*. By Eli Smith and H. G. O. Dwight, Missionaries from the American Board of Missions. To which is prefixed, *A Memoir on the Geography and Ancient History of Armenia, by the Author of "The modern Traveller"*. London, 1834.